

На правах рукописи

Кулланда Мария Всеволодовна

**ЭВОЛЮЦИЯ РЕМЕСЛЕННОГО
ПРОИЗВОДСТВА КАК ОТРАЖЕНИЕ
ПЕРЕМЕН В ЖИЗНИ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI – XIX В.
(ПО МАТЕРИАЛАМ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ)**

Специальность 07.00.03. – Всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2008 г.

Работа выполнена на кафедре истории
стран Ближнего и Среднего Востока
Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова.

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Михаил Серафимович Мейер

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
Ирина Михайловна Смилянская
(Институт Востоковедения РАН)

кандидат исторических наук
Рустам Мухаммадович Шукуров
(исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова)

Ведущая организация: Санкт-Петербургский
государственный университет,
восточный факультет

Защита состоится 20 ноября 2008 г. в 16.00 часов на заседании Диссертационного совета Д 501.002.04. Института стран Азии и Африки МГУ по адресу: 119992, г. Москва, ул. Моховая, д. 11.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке
Института стран Азии и Африки МГУ.

Автореферат разослан «___» _____ 2008 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук

Е.В. Волкова

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Постановка проблемы. История османского ремесла представляет собой неотъемлемую часть социально-экономической истории, являясь в то же время и своего рода культурным феноменом. Благодаря этому в развитии ремесленного производства в определенной степени отразилась эволюция экономической, социальной и культурной жизни османского общества. Проблематику и круг вопросов, рассматриваемых в диссертации, определяет именно специфика памятников ремесла, сохраняющихся в основном в музейных коллекциях. Они представляют значение не только как явления традиционного искусства, но и как материальные свидетельства уровня достижений османских ремесленников и своеобразия результатов их деятельности в конкретных меняющихся условиях.

Цели и задачи исследования. Основная цель исследования — раскрыть особенности развития осmano-турецкого ремесла второй половины XVI — конца XIX в., опираясь, в основном, на материальные свидетельства, а также на письменные источники соответствующего времени и показать, как процессы, происходившие в ремесленном производстве, отразили те или иные характерные черты жизни османского общества, прежде всего, городского населения, и происходившие в ней перемены. Другой, более локальной целью являлось введение в научный оборот коллекции османского художественного ремесла Государственного музея Востока (ГМВ). В связи с этим перед автором стояли конкретные задачи:

- обобщить сведения о функционировании ремесленного производства в Османской империи, структурировав их в соответствии с различными типами его организации, что позволяет проследить характер постепенно возникающих перемен;
- показать изменение состава и положения в обществе различных социальных групп, прямо или опосредованно связанных с изготовлением и сбытом ремесленных изделий;
- проследить влияние процессов, происходивших в общественно-экономической жизни Османской империи, на ремесленное производство. На основании исследованного материала обнаружить особенности турецкого городского ремесла на разных этапах османской истории.
- изучить комплекс памятников ремесла означенного периода; очертить круг вещей, которые можно считать принадлежащими осmano-турецкой материальной культуре и выработать принципы их атрибуции.

Актуальность исследования. Работа посвящена анализу комплекса осmano-турецких ремесленных изделий, хранящихся в музейных собраниях.

Зарубежные и российские коллекции представляют собой богатейший материал как с точки зрения количества сохранившихся предметов, так и в смысле его информативности. В связи с этим приобретают большое значение и вовлечение в научный оборот ранее не изученных собраний, и анализ уже известного материала с целью его обобщения и совершенствования методов работы с ним. Современный этап развития исторической науки характеризуется возрастающим интересом к исследованиям, ведущимся на стыке разных дисциплин и на основании различных видов источников. Использование, наряду с письменными документами, памятников материальной культуры как свидетельств по истории Османской империи позволяет обратиться к некоторым вопросам, обычно остающимся вне внимания туркологов — историков и искусствоведов. Интерпретация данных, предоставляемых материальными источниками, дает возможность полнее осветить изменения, происходившие в разных областях османской жизни на протяжении трех веков, предшествовавших распаду империи.

Хронологические рамки работы охватывают весьма значимый этап османской истории, включающий окончание эпохи расцвета империи (вторая половина XVI в.), так называемый «*период остановки*» — *теваккуф деври* (конец XVI — конец XVII в.), и XVIII–XIX в., часто оценивавшиеся современниками и исследователями как время упадка державы и кризиса традиционных порядков под влиянием модернизационных преобразований. Значительные процессы происходили в это время и непосредственно в истории развития ремесла. Кроме того, выбор этого периода обусловлен и источниковой базой — составом османских коллекций в музейных собраниях, прежде всего, в собрании ГМВ, ставшем основой и отправной точкой для данной работы.

Новизна работы заключается главным образом в том, что практически впервые в отечественной научной литературе автором принята попытка обобщить сведения, касающиеся осmano-турецкого ремесла — его организации, видового разнообразия и особенностей оформления. Особое значение при этом приобретает характер подхода к теме, при котором памятники материальной культуры, то есть в данном случае продукция ремесленных художественных мастерских, становятся важными свидетельствами по истории Османской империи. На основании этих источников прослеживается связь между султанским двором и ремесленными мастерскими, проявлявшаяся в разное время различным образом, как в системе организации производства, так и в способах оформления изделий. На примере конкретных вещей в работе показан процесс эволюции ремесленного производства и постепенной переориентации ремесленников на нового заказчика в изменившихся исторических условиях. Кроме того, в диссертации дается характеристика

состава и оценка степени изученности московских музейных коллекций османского традиционного ремесла.

Источники. Основой источниковой базы исследования являются предметы материальной культуры, а именно традиционного турецкого ремесленного производства османского времени (преимущественно второй половины XVI — XIX в.), **хранящиеся в музейных коллекциях: прежде всего ткани**, вышивки, керамика, оружие, а также ковры, изделия из дерева и металла. Наибольший акцент в данной работе был сделан на изучении текстиля, расписной керамики и оружия, так как эти виды ремесла представлены в наибольшем количестве и их производство играло серьезную роль в османской экономике. Кроме того, оформление этих предметов несет информацию, значимую для раскрытия темы диссертации. Помимо коллекции ГМВ, в качестве источников широко привлекались вещи из собраний других музеев, отечественных и зарубежных (музеев московского Кремля, ГИМ, Эрмитажа, Британского музея и музея Виктории и Альберта в Лондоне, Лувра, музеев Стамбула и Анталы и т.д.): часть из них удалось изучить в фондах, часть известна по публикациям.

Естественной и необходимой частью источниковой базы диссертации стали также различного рода письменные памятники. Среди них документальные источники — *кадийские реестры* (судебные решения); *фетвы шейх-уль-ислама* (ответы главы духовенства на различные вопросы); *нарх дефтерлери* (списки цен); дворцовые документы, включающие перечни ремесленников с указанием их заработной платы; *футуветнаме* (руководства для членов ремесленных цехов); законодательные документы. Важные свидетельства были почерпнуты и из нарративных источников, в частности, отчетов и писем путешественников (Дж. Менавино, Эвлии Челеби; А. Кастеллана; М. Монтегю, М.П. Вронченко и других). Отдельную группу составляют *рисале* (буквально «послание») — знаменитый трактат Кочи-бея Гёмюрджинского, а также сочинение неизвестного автора начала XVII в. «**Китаб-и Мюстетаб**», **рисующие картину упадка Османской империи.**

Историография. Научная литература по данной теме распадается на два основных блока. Первый включает работы по социально-экономической истории Турции, прежде всего истории города, касающиеся организации ремесла, имущественного и социального положения ремесленников, торговли, динамики роста производства в разные периоды. В этом контексте важной для исследователей является проблема устройства и развития торгово-ремесленного цеха (эснафа). Проблемы цеховой жизни достаточно подробно освещены в работах отечественных и зарубежных историков: В.А. Гордлевского; Д.А. Гудиашвили, Н. А. Иванова, А.А. Аджяна и М.Н. Зулаляна, В.П. Курылева, М.С. Мейера, И.М. Смилянской, Н. Тодорова, С. Фарохи, Х. Иналджика, Р. Мантрана, А. Коэна.

Различия в подходе к теме цеха проявляются, прежде всего, в оценке сущности этого института и его роли в османском государстве. В общем виде две основные позиции сводятся к следующему. Согласно одной из них, цехи создавались центральным правительством как административные образования, призванные прежде всего обеспечить эффективный государственный контроль над ремесленным населением и регулярный сбор налогов. Согласно другой, османские эснафы были в большой степени автономными организациями, защищавшими права и экономические интересы ремесленников, обладавшими определенной самостоятельностью и оказывавшими большое влияние на жизнь города.

Меньше изучена проблема организации ремесленного производства в придворных мастерских и в городах, тесно связанных с государственным заказом, и особенно тема домашнего ремесла. Как правило, эти вопросы затрагиваются в трудах, посвященных творчеству работников дворцовой художественной мастерской — *наккашхане*, изделиям придворных ремесленников или видам ремесла, во многом развивавшимся в рамках кустарного производства (Н. Атасой, Дж. Роджерс, С. Кроди и др.). Проблемы организации ремесленного производства в Османской империи изучены, таким образом, в разной степени. Кроме того, и это представляется достаточно важным, до сих пор не было сделано попытки обобщить знания о том, как соотносились между собой разные формы этой организации, насколько замкнутыми образованиями были, например, придворные мастерские и существовали ли некоторые точки пересечения дворцового и кустарного производств, а также городских цехов.

Ко второму большому блоку принадлежат исследования, общего и специального характера, посвященные истории турецкого искусства османского времени. В них рассматриваются вопросы периодизации, технологии производства различных видов изделий, их орнаментации, атрибуции, темы бытования вещей в местной и инокультурной среде (Дж. Арсвен, Э. Атыл, Ю.А. Миллер, Н. Гюрсу, Н. Атасой, В.К. Клейн, В. Денни, Л. Макки и др.).

Таким образом, на сегодняшний день существует широкий круг научной литературы по проблемам, связанным с историей османского художественного ремесла XVI — XIX в. **С разных точек зрения изучены проблемы существования ремесла в системе города, организации производства, большое количество изданий посвящено рассмотрению отдельных видов османских ремесленных изделий.** Между тем следует признать, что некоторые вопросы, косвенно затрагивающиеся во многих работах, не стали предметом подробного исследования применительно к разным видам и типам ремесленной продукции. Это относится к проблемам атрибуции; степени творческой свободы ремесленника; существования разных составляющих в массиве османского ремесла, отражения в оформлении

конкретных вещей мировоззрения различных слоев населения Османской империи. Важным обстоятельством представляется также то, что в отечественной научной литературе последних десятилетий, достаточно богатой разноплановыми исследованиями по отдельным видам художественного ремесла, нет работы, в которой были бы обобщены и осмыслены сведения об османских ремесленных изделиях музейного значения как о едином комплексе, обладающем характерными чертами и прошедшем путь эволюции, отразивший некоторые особенности развития османского государства и общества.

Методологической основой работы в целом является принцип историзма, позволяющий подходить к истории общества и, в частности, материальной культуры, как к явлению, существующему в постоянном развитии. Анализируя сохранившиеся памятники художественного ремесла на разных уровнях, автор рассматривает объект исследования в качестве источника, отражающего изменения, происходившие в социально-экономической и культурной истории Османской империи.

Практическое значение. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы в исследованиях по османской истории XVI-XIX в., в частности, по истории развития ремесла. Практическую значимость для исследователей турецкой материальной культуры имеют сформулированные автором общие и конкретные принципы атрибуции предметов османско-турецкого традиционного ремесла. Материалы работы могут быть использованы в лекционных курсах по истории Османской империи, при создании пособий по османской истории и источниковедению.

Апробация работы. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ 24 июня 2008 г.

Работа обсуждалась также на заседании отдела Ближнего, Среднего Востока и Южной Азии Государственного музея Востока.

Основные положения и выводы диссертационной работы были доложены и обсуждались на отчетных научных конференциях ГМВ в 2002-2006 гг.

Ряд положений диссертации использовался в ходе чтения лекций по искусству мусульманской Турции в лектории ГМВ в 1999-2007 г. и на занятиях в магистратуре ИСАА МГУ в 2007-2008 г.

Некоторые аспекты работы нашли отражение в научном каталоге лекции османского текстиля ГМВ, обсужденном на Ученом совете музея Востока и опубликованном в 2007 г.

Структура работы отражает основные цели и задачи исследования. Диссертация состоит из введения, историографического раздела, характеристики источников, трех глав, заключения, библиографического списка и приложения.

2. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы диссертации, содержится постановка проблемы, определяются предмет и объект изучения, хронологические и географические рамки работы. Формулируются цели и задачи исследования.

Раздел **Источники** содержит характеристику материальных и письменных памятников, использованных в работе. Наибольшее внимание уделяется ремесленным изделиям, хранящимся в музейных коллекциях. В связи с этим в данный раздел входит описание крупных московских собраний османотурецкого художественного ремесла, включающее исследование истории их формирования, состава и достигнутого на сегодняшний день уровня их обработанности. Делается вывод о репрезентативности комплекса этих вещей как исторических источников.

В **Историографическом обзоре** кратко освещается круг вопросов, поднимавшихся в научной литературе в связи с заявленной темой, и дается оценка степени ее изученности в интересующем нас ракурсе.

Глава I состоит из трех разделов, *первый* из которых посвящен характеристике существовавших в османском государстве различных форм организации производства ремесленных, в том числе художественных изделий. В качестве таких основных форм (или способов) организации выделяются городские ремесленные цехи; дворцовые мастерские и центры, связанные с двором системой заказов и поставок сырья; домашнее производство.

Естественными центрами развития ремесла были города, особенно крупные, среди которых выделялась столица — Стамбул, а основой их хозяйственной жизни стали **цехи** (эснафы) — профессиональные союзы ремесленников и торговцев, объединявшие большую часть трудового городского населения. Изначально тесно связанные с суфийским братством *ахи*, османские цехи сохранили устав, предписывающий соблюдение религиозно-нравственных норм поведения, и традиционную обрядовую сторону своей жизни. Тем не менее, в рассматриваемый период основная роль цеха состояла в объединении представителей одной специальности для защиты своих прав и обеспечения процесса производства.

В данном разделе диссертации на основе научной литературы и письменных источников обобщаются и структурируются сведения о комплектовании эснафов, организации их производственной деятельности, административном устройстве и внутрицеховой иерархии.

Рассмотренная информация позволяет прийти к выводу о двойственном характере этого института. С одной стороны, эснафы были зависимы и в установлении цен, и в определении места работы, и в утверждении или смещении своего собственного главы. Их существование на самом деле

облегчало правительству задачу сбора налогов, и власти стремились не допустить создания «несанкционированных» предприятий. Нет также указаний на то, что цехи играли существенную роль в городском управлении. Власти же участвовали в управлении цехами иногда непосредственно, назначая их главами государственных чиновников.

С другой стороны, зависимые в административных и финансовых вопросах, цехи были довольно самостоятельны в сфере производства. Они не только занимались покупкой сырья, но и имели право нанимать временных или надомных рабочих. Кроме того, как показывают, в частности, документы иерусалимского суда, ремесленные объединения имели определенные рычаги влияния на городскую администрацию. Именно информация, переданная членами цеха, и их мнение часто являлись основанием для решения, которое принимал правительственный чиновник. Упомянутое Эвлией Челеби право *беста* («укрытия») кожевников стамбульских кварталов Йедикуле и Касымпаша — их эснафы могли по решению общего собрания принимать в свои ряды ремесленников, просивших убежища, — в какой-то степени сближает османские цехи с западноевропейскими.

Организация сообщества дворцовых ремесленников *эхл-и хиреф* (дословно «мастера», «специалисты»), упоминавшегося в документах с начала XVI в., строилась в целом на тех же основах, что и городские цехи. Тем не менее, способ комплектования и условия существования **дворцовых мастерских** имели определенные особенности. *Эхл-и хиреф* во многом ориентировались на производство предметов роскоши, здесь развивались искусства и ремесла, находящиеся под особым покровительством государства, и была собрана элита османских мастеров — каллиграфов, художников разного профиля, ювелиров, оружейников, резчиков по дереву и перламутровщиков, ткачей, вышивальщиков, ковроделов, портных. В задачу ремесленников, работавших при дворе, входило не только удовлетворение потребностей многотысячного населения дворца, но и поддержание престижа государства, прославление богатства и могущества его правителей. Это обстоятельство определило особые способы комплектования *эхл-и хиреф*, в частности, *сюрдюн* — систему приписывания ко двору пленных ремесленников-иностранцев, и *девишirme* — рекрутирования и обучения детей из христианских семей, проживавших на территории Османской империи. Определенные отличия от городских цехов существовали также во внутренней организации дворцовых мастерских, в системе оплаты труда работников и поставок сырья. Одной из особенностей султанских мастерских была возможность концентрации в одном помещении довольно большого — до нескольких десятков человек — числа работников одной специальности, способствовавшая повышению производительности труда.

Источники свидетельствуют о том, что государство не стремилось сконцентрировать все производство предметов роскоши при дворе, а дворцовые

ремесленники, выполнив первоочередной заказ двора, могли продавать остаток продукции другим клиентам. Вероятно, мастера, приписанные к дворцу (или часть из них), в ряде случаев совмещали работу на главного заказчика со свободной торгово-ремесленной деятельностью.

Помимо дворцовых мастерских, продукция весьма высокого качества производилась специально по султанским заказам в других центрах (Изник, Кютахья, Бурса, Ушак), причем значение этих центров менялось со временем. Их цехи существовали в иных условиях, чем корпорации *эхл-и хиреф*. Вероятно, даже во времена, когда выполнение дворцового заказа составляло основную часть их производства, эти центры оставались полуавтономными, чему способствовала и их физическая удаленность от столицы.

Предметы ремесла создавались, помимо всего прочего, **в домашнем хозяйстве**, в семейных мастерских. Конечно, здесь отсутствовали строгая организация, система поставок сырья и административный контроль. Иным было назначение этой продукции, стоимость материалов и часто — степень профессионализма мастеров. Основной сферой деятельности работавших на дому ремесленников было производство изделий для семейных нужд, работа на рынок и на конкретных богатых клиентов. Тем не менее, некоторые мастера (например, вышивальщицы), чья работа в принципе оставалась за рамками цехов и организованной системы распределения продукции и сырья, привлекались для исполнения разовых заказов и в дворцовые мастерские.

Во *втором разделе* главы рассматривается положение ремесленного производства в свете социально-экономических и политических изменений конца XVII-XIX в. **На рубеже XVII-XVIII в. назревавшие в течение предыдущего столетия перемены** в экономическом положении и социально-политической жизни страны стали очевидны. В основе перемен лежал кризис ранних институтов османского государства, проявившийся, прежде всего, в разложении тимарной системы землевладения. Происходили изменения внутри господствующего слоя османского общества: обладатели богатств и широких связей на местах упрочили свои позиции в системе публичной власти и потеснили старую военно-бюрократическую знать. Государство по-прежнему контролировало городскую жизнь, но торгово-рыночные отношения приобретали в ней все большее значение. Развивающиеся связи с Западом привели к усилению конкуренции со стороны поставщиков европейских товаров.

Процессы, происходившие в цеховой организации в конце XVII-XIX в., были подготовлены всем ходом развития османского государства и, более того, хоть и не в столь яркой форме, проявлялись уже в предшествующий период, начиная со второй половины XVI в. **Это и начало внутрицехового имущественного расслоения, и сращивание эснафов с янычарским корпусом, и появление независимых мастеров и повышение их мобильности**

как внутри цеховой системы (переход из цеха в цех), так и внутри страны (переезд из района в район). Новые явления в цеховой системе, конечно, сильнее ощущались в наиболее экономически развитых западных областях, однако возникали они по всей империи.

Со временем некоторое ослабление государственного контроля во всех областях жизни дало ремесленникам возможности для проявления личной инициативы, хотя традиционная организация сохранялась и долго оставалась для мелких производителей удобной формой существования.

Вероятно, в XIX в., в связи с утратой эснафами монопольных прав, в сфере художественного ремесла была разрушена четкая граница между «цеховым» и «кустарным» производством. В это время можно говорить в целом о ремесленниках как о преимущественно городских жителях, занятых ремеслом, ориентированным на рынок.

Что касается дворцовых мастерских, то период их расцвета, несомненно, закончился к началу XVIII в., однако периодически предпринимавшиеся вплоть до начала XX в. попытки возродить эти производства или создать другие по их образцу привели к появлению некоторых новых форм ремесленной деятельности при дворе.

Третий раздел первой главы посвящен вопросу добычи и распределения сырья, использовавшегося для производства ремесленных изделий разных видов: текстиля, керамики, изделий из металла (в том числе оружия и ювелирных украшений). Краткое исследование, проведенное на основе письменных источников (в частности, отчетов и воспоминаний путешественников) и анализа конкретных предметов, с привлечением научной литературы, позволило выявить основные разновидности использовавшихся в ремесленном производстве материалов. Внимание автора было сосредоточено на вопросах качества некоторых видов сырья, их сравнительной стоимости и доступности для различных категорий ремесленников.

Османо-турецкое ремесленное производство во многом снабжалось местным сырьем. Однако именно в изготовлении художественно оформленных вещей, в том числе предметов роскоши, османские мастера достаточно часто использовали импортируемые, как правило, более редкие и дорогие материалы. Преимущественное право на ценное сырье имело государство в лице дворцовых мастерских *эхл-и хиреф*. Потребности в сырье, имевшем стратегическое значение — например, в металле, использовавшемся для производства оружия, или представлявшем собой важную статью экспорта, также удовлетворялись в первую очередь.

Глава II содержит два раздела. *Первый* из них посвящен вопросам общего характера, касающимся атрибуции. Прежде всего, это проблема так называемого «османского художественного стиля» и его влияния на ремесленное производство. Не имеющая прямого отношения к исторической тематике диссертации, она, тем не менее, настолько важна для понимания особен-

ностей османского ремесла, что обойти ее не представляется возможным. В литературе сложились две основные точки зрения на этот вопрос: преобладает представление о том, что, отчасти благодаря централизованной системе создания образцов для различных видов художественного ремесла, в XVI в. в турецком искусстве выработался своеобразный единый стиль, характеризующийся набором основных изобразительных мотивов, манерой их исполнения и сочетания друг с другом, своеобразной цветовой гаммой. Некоторые же исследователи полагают невозможным существование общего для разных видов искусства художественного стиля, созданного в одном центре. Обращение диссертанта к конкретным музейным вещам — тканям, коврам, керамике, позволяет сделать вывод о терминологическом характере вышеизложенных разногласий, сводящихся, в сущности, к тому, что следует называть «стилем». По крайней мере с середины XVI в. и в течение практически всего XVII столетия в турецком прикладном искусстве действительно доминировали особые, узнаваемые, присущие только ему черты. Ими обладают многие художественные изделия, произведенные в Стамбуле, Бурсе, Изнике или других частях империи в означенный период. Вероятно, термин «художественный стиль» можно в данном случае применять достаточно условно. Вопрос об определении стиля вообще сложен и неоднозначен, к тому же отмеченная общность манеры оформления, как справедливо утверждают противники теории «единства», свойственна не всем видам искусства. Очевидны, однако, наличие такой общности в некоторых (основных для османской хозяйственной жизни и культуры) отраслях ремесленного производства и ее связь с существованием дворцовых мастерских и дворцового заказа.

С проблемой «османского стиля» связан и вопрос выделения круга вещей, которые можно считать принадлежащими к османско-турецкому традиционному ремеслу. Строго терминологически определение «османское ремесло» можно отнести к достаточно ограниченному времени и кругу вещей. Это понятие относится не ко всем изделиям, произведенным на территории империи в соответствующий период, а лишь к выполненным в определенной манере — ведь их специфика связана именно с османским двором, а не с национальной принадлежностью мастеров. Не во всех случаях эти изделия производились непосредственно в дворцовых мастерских — их отличительными чертами следует считать не место изготовления, а специфические художественные особенности и качество исполнения. Однако на протяжении всей истории османского государства существовали ремесленные производства, не вписывающиеся в этот своего рода «мейнстрим» развития ремесла. Речь идет, во-первых, о продукции периферийных центров, не связанной с дворцовыми заказами и дворцовым контролем, о вещах, не рассматривавшихся как экспортные товары или предметы роскоши; и во-вторых — о провинциальных изделиях, в чьем

исполнении местные дотурецкие черты ощущаются не менее, а иногда и более сильно, чем османское влияние.

В диссертации исследуются сохранившиеся материальные свидетельства разных видов из различных регионов Османской империи — вышивки и предметы одежды из Армении, Крыма и Алжира; балканские изделия из металла; оружие, бытовавшее на Кавказе и Балканах. В результате автор приходит к выводу о том, что при рассмотрении ремесленных изделий, принадлежащих периферийным центрам, не связанным с султанским двором, — **с явными османскими чертами, но и с ярко выраженными местными особенностями** — наиболее правильной кажется атрибуция «Османская империя», по возможности с некоторыми необходимыми дополнениями. Это почти всегда относится к вещам балканского региона, более длительное время и более тесно связанного с Турцией. Вопрос же, можно ли атрибутировать таким образом, например, йеменские, крымские или кавказские образцы, должен решаться отдельно в каждом конкретном случае, исходя из особенностей их конструкции и оформления.

Во *втором разделе* главы формулируются основные, более или менее универсальные методы атрибуции, позволяющие с достаточной степенью достоверности датировать и локализовать осmano-турецкие ремесленные изделия. В качестве таковых автором предложены и подробно рассмотрены на конкретных примерах следующие приемы: обращение к музейной документации, фиксирующей поступление экспонатов; использование письменных источников, относящихся ко времени производства тех или иных вещей; прочтение надписей на самих вещах; изучение размеров и форм (покроя) изделия; применение традиционного метода художественной характеристики; поиск аналогий; технический анализ.

Глава III посвящена рассмотрению особенностей социально-экономической жизни страны, нашедших отражение в продукции ее ремесленных мастерских.

Ситуация в Османской империи **XVII-XVIII в.** характеризовалась развитием кризиса традиционного устройства государства и началом перехода к новым общественным отношениям. Одной из важнейших черт социально-экономической жизни османского общества в этот период было разложение системы условных земельных держаний и появление частного землевладения. Конфликт интересов государства и крупных землевладельцев способствовал уменьшению поступлений денег в казну и ослаблению султанской власти. Неоднозначным образом общие изменения сказались на положении городов — с одной стороны, их население росло за счет постоянного притока сельских жителей, что повышало спрос на продукцию ремесленников и побуждало их к увеличению производительности труда. С другой стороны, испытывавшая материальные трудности султанская власть уменьшила материальные «вливания» в городскую

экономику, в строительство, снизились расходы на содержание мастеров, производивших предметы роскоши. Произошли перемены и в составе самих правящих кругов, где все большее влияние завоевывали представители провинциального аянства (богатые и влиятельные местные нотабли) и новой столичной бюрократии, не обладавшие, как правило, изысканным вкусом. Провал реформ *низам-и джедид*, предпринятых при султানে Селиме III (1789-1807 гг.), показал неготовность османского общества к радикальным переменам. Не решили всех проблем и преобразования эпохи Танзимата. Крымская война (1853-1856 гг.) еще больше ослабила османское государство и закрепила его финансовую зависимость от западных союзников. Возрастала активность вторжения иностранного капитала и дешевой европейской промышленной продукции.

Перемены в государственной политике Порты, в состоянии общественной жизни и экономике, интенсивность и направленность международных связей, изменения в положении городов и масштабах имперского строительства, — все это в той или иной мере должно было сказаться на развитии художественного ремесла.

Первый раздел посвящен изучению различных видов ремесла с точки зрения количественных и, главным образом, качественных изменений, происшедших в каждом из них на протяжении изучаемого периода. Автор исследует судьбу различных ремесленных центров, прежде всего, специализировавшихся на изготовлении тканей и керамики, и анализирует музейные вещи разного времени, прослеживая изменения в технологии производства и уровне его качества. Так, изучение нескольких групп утвари г. Изника — XVI в.; конца XVI — начала XVII в.; и второй половины — конца XVII в., — приводит к выводу о том, что, если изделия конца XVI — начала XVII в. демонстрируют по-прежнему высокое качество производства и отсутствие нарушений технологии, то со второй половины XVII в. в этой отрасли наблюдается заметное снижение технического уровня. Уменьшение объемов производства и ухудшение качества происходили, прежде всего, в изготовлении изразцов, но те же процессы коснулись и бытовой керамики. Нужно отметить, впрочем, что в этом случае деградация шла несколько медленнее. Производство художественной утвари не закончилось с прекращением государственного заказа, а пережило еще некий период поиска другой клиентуры. Тем не менее, керамика Изника, которая могла бы датироваться XVIII в., неизвестна. Считается, что это производство окончательно прекратило свое существование до 1720 г. Вероятно, исчезновение Изника как керамического центра связано в большей степени не с конкуренцией европейских товаров, как это иногда предполагают, а с его тесной связью с султанским двором. Сохраняя некоторую свободу действий «внутри» производственного процесса и имея возможность продавать часть невостребованной дворцом продукции на рынке, изникские мастера слишком привыкли иметь постоянного и щед-

рого заказчика, наличие которого позволяло им ставить технологические эксперименты.

С остановкой печей в Изнике османскую художественную керамическую промышленность не постиг полный упадок, сохранились значительный объем производства и высокое качество изделий. Вернее сказать, произошло возвышение другого центра (Кютахьи), оказавшегося более готовым к работе в новых условиях, к ориентации на другую ситуацию и другого потребителя.

Исследование шелковых тканей XVI-XVIII в. **показало, что в текстильном производстве положение было несколько иным, причем оно имело свои особенности в зависимости от центра (например, Бурса или Стамбул) и от типа материала (атлас или бархат).** Ни один из основных центров шелкоткачества не постигла судьба Изника, однако различные виды тканей, производившиеся в разных городах, продемонстрировали неодинаковый уровень устойчивости к происходящим в стране переменам. Постепенное снижение качества в этот период заметнее отразилось в изготовлении дорогих атласных тканей, связанном, в частности, с дворцовыми мастерскими Стамбула, чем бурсских бархатов, производившихся в большей мере на экспорт.

При анализе бархатов бурсского типа из коллекции музея Востока и ГИМ становится очевидно, что на протяжении всего периода XVI-XVII в. уровень качества бархатных тканей в целом оставался достаточно стабильным. Вероятно, время от времени происходили некоторые изменения, связанные со стоимостью и качеством сырья, однако в основном после спада первой половины XVI в., **в последующие полтора столетия серьезного ухудшения технических характеристик не происходило.** Согласно современным исследованиям (М. Чизакча) в конце XVII в. **фиксируется даже увеличение объема производства, но, как показывают материальные свидетельства, оно, скорее всего, не сопровождалось заметным повышением качества бархатов.**

Исследование же атласных тканей позволяет заключить, что уже для первой половины XVII в. **известны экземпляры более грубого исполнения, в которых чувствуется ухудшение качества сырья.** В это время иногда производятся и совершенные атласы — в основном по специальному заказу. Вероятно, некоторые мастера еще обладали навыками, необходимыми для производства драгоценных художественных тканей высокого технического уровня, но спрос на них при дворе становился все меньше, и многие мастерские начали переориентироваться на более массовую и менее изысканную продукцию или, при соответствующей возможности, на другого заказчика. Изготовление традиционных шелков продолжалось и в XVIII в., **однако очевидно, что объем производства высококачественных художественных тканей со временем снижался.** Тем не менее, как показывают письменные

источники и сохранившиеся тканые изделия, полного упадка текстильного производства это не означало. Вероятно, продолжалось приспособление ремесленников к новой во всех отношениях ситуации, характеризующейся увеличением ввоза европейских тканей и возрастанием моды на них, финансовыми трудностями султанского двора и падением его интереса к производству драгоценных тканей.

Музейные коллекции демонстрируют сохранение и развитие и других ремесел в поздний период существования османской империи, вплоть до конца XIX в. — **вышивания, производства оружия, изделий из дерева**, украшенных инкрустацией и резьбой, ковроткачества. Однако стремление к изготовлению более массового и более дешевого материала, и, вследствие этого, определенная унификация производства стали в этот период общей тенденцией. Положение ремесленников усложнила в середине XIX в. **экспансия дешевой продукции европейских машинных фабрик**. Тем не менее, традиционное ремесленное художественное производство выжило не только в условиях возникших еще в XVIII в. **моды на европейский стиль и спроса на западные вещи**, но и в период интенсивного наплыва иностранных товаров. Несмотря на снижение качества в некоторых видах ремесла, вероятно, именно традиционное ручное производство смогло в какой-то степени избежать прямой конкуренции с европейской фабричной промышленностью, и это наглядно демонстрируют материальные свидетельства — собственно продукция ремесленных мастерских.

Второй раздел третьей главы раскрывает другую сторону проблемы существования художественно выполненной вещи в меняющихся исторических условиях. Он посвящен вопросу о степени зависимости османского ремесла от работы придворной *наккашхане* — мастерской художников, — и в целом от вкусов и нужд двора, а также проблеме отражения в украшении предметов османского ремесленного производства различных традиций, их трансформации и взаимодействия.

В связи с этой постановкой вопроса оказалось необходимым под-вергнуть анализу оформление османо-турецких ремесленных изделий с тем, чтобы оценить его особенности и характер происходивших в нем изменений.

Обращение к материальным свидетельствам **XVI-XVII в., в частности**, рассмотрение группы керамической утвари и шелковых тканей из коллекции ГМВ подтвердило тот факт, что между придворной художественной мастерской и производителями некоторых видов ремесленных изделий существовала достаточно тесная связь. Однако далеко не во всех случаях можно говорить о прямом копировании шаблонов, созданных в *наккашхане*. Такая практика существовала при выполнении государственного заказа и относилась, прежде всего, к производству изразцов для украшения зданий, создававшихся в эпоху активного имперского строительства. Вероятно, нечто

похожее происходило и в изготовлении утвари в период, предшествующий рассматриваемому в данной работе — до середины XVI в., когда высокохудожественные керамические изделия в небольшом количестве производились в Стамбуле, в непосредственной близости от придворной наккашхане. Что же касается производства утвари в Изнике, получившем в середине XVI в. статус главного керамического центра, то здесь материал демонстрирует некоторую творческую свободу мастеров. Специфика текстильного производства определила зависимость ткача от шаблона, выполненного на бумаге, однако между наккашхане и ткачом непременно стоял *накшибэнд* (мастер, ответственный за перенос рисунка на ткань), а в ряде случаев — и особый художник, который должен был работать непосредственно при производстве, например, в таком текстильном центре, как Бурса. И если даже изначально образец узора был рожден в наккашхане, у художника или накшибенда, работавшего в тесном контакте с ткачом, — в Стамбуле ли, а тем более вдали от столицы — в Бурсе или Биледжике, — была возможность с течением времени модифицировать узор, приводить его в соответствие с меняющимися вкусами.

При этом как в керамическом производстве, так и в текстильном, как в оформлении изделий, создававшихся для дворца, так и в украшении массовой продукции «домашнего» уровня использовались мотивы и сюжеты, изначально созданные придворными художниками. Тесная связь между различными ветвями *эхл-и хиреф*, а также ремесленными центрами типа Бурсы и Изника не означала прямого участия художников наккашхане как авторов шаблонов во всех производствах, а, скорее, способствовала распространению создаваемой ими дворцовой эстетики и развитию общности в дизайне разных видов ремесла.

Исследование ремесленных изделий последующего периода (XVIII—XIX в.) показало, что в оформлении этих вещей прослеживаются две тенденции — интерес к европейской культуре и стремление к возрождению классического османского стиля. Каждая из них зародилась при дворе и была связана с политическими интересами и эстетическими представлениями части османской правящей верхушки. В этом смысле зависимость производителей художественных ремесленных изделий от образов, создаваемых в придворной *наккашхане*, сохраняется. Причем обращение к типам узоров, приобретшим популярность при дворе, характерно не только для городского ремесла, но и для народных изделий, что демонстрирует, например, изготовление вышивок. Однако, помимо отмеченных тенденций, существовала и еще одна сторона развития османского художественного ремесла в этот период. Она ярко проявилась, например, в керамическом производстве Кютахьи (центра, вышедшего на первый план после угасания Изника) со второй половины XVIII в. Если изделия классического Изника при всем разнообразии вариантов строго сохраняли

основной цветочный декоративный репертуар, то поздняя керамика Кютахи отражала окружающую повседневность и сохраняющиеся в народном сознании мифологические мотивы. Это производство другого уровня, с определенными региональными особенностями и сильной иноконфессиональной составляющей, адресованное другой аудитории. Тем не менее, оно демонстрирует и преемственность, представляя собой в каком-то смысле продолжение некоторых линий развития поздней изникской керамики с ее реалистической манерой и религиозной тематикой. Связь же с современными запросами двора, даже косвенная, как в предыдущий период, кажется практически утерянной. Не ощущается такая связь и в продукции **XVIII-XIX в. другого керамического центра — Чанаккале**, несомненно, имеющей народные корни.

С усилением центробежных тенденций, ослаблением центральной власти и, как следствие, определенной децентрализацией производства в последний период существования Османской империи было связано снижение внимания государства к изготовлению предметов роскоши. Количество дворцовых заказов уменьшилось, контроль ослаб, новоявленная местная знать не обладала изысканным вкусом воспитанной при дворе османской верхушки прошлого. В это время элементы народной культуры во всех ее проявлениях становятся особенно заметны и значимы в художественном ремесле.

Переплетение отмеченных тенденций, приведшее к созданию своеобразного синтеза, характеризующего османо-турецкое ремесло, проиллюстрировано в последней части диссертации анализом популярного в империи мотива дракона. Рожденный в османской наккашхане и получивший развитие в работах дворцовых мастерских, он постепенно проникает в оформление продукции ремесленников, не связанных с придворной эстетикой и образной системой, и вкладывающих в это изображение иное содержание. В оформлении вещей **XVIII-XIX в. с мотивом змеи или драконовидного существа** нашли также отражения явления, составляющие своеобразие османской действительности в последние столетия существования империи: отголоски древних верований, трансформированные в народном сознании, мусульманская мифология, проникновение в жизнь европейских мотивов и сюжетов.

В Заключении подводятся основные итоги исследования и формулируются выводы, сделанные в процессе работы над темой.

Диссертантом был выявлен круг вещей, по ряду признаков принадлежащих османо-турецкому ремеслу. Художественное ремесло на протяжении всего времени существования османской державы выступало одной из важных составляющих культурной и хозяйственной жизни империи. В истории его развития нашли отражение как существенные перемены, происходившие в разных областях жизни османского общества, так и свойственная ему устойчивость традиционных отношений и представлений.

Проведенное исследование позволило прийти к следующим основным выводам:

– Несмотря на стремление османского государства максимально жестко курировать общественную и экономическую жизнь, не во всех случаях можно говорить о тотальном характере государственного контроля. Прежде всего его уровень зависел от формы организации производства и, вероятно, степень свободы ремесленников в центрах, связанных с султанским двором системой заказов, могла быть выше, чем это обычно предполагается, даже в периоды, когда центробежные силы еще не определяли жизнь империи. По мере их усиления тенденция к ослаблению контроля государства над производством становится значительно более заметной.

– Между различными формами организации ремесленного производства существовали многообразные связи. Даже дворцовые мастерские не представляли собой полностью замкнутые объединения, доступ к продукции которых был открыт только потребителям внутри дворца. Эта своего рода открытость касалась не только реализации изделий, но и процесса производства: в изготовлении предметов декоративно-прикладного искусства, создававшихся в придворных мастерских, могли участвовать и ремесленники, не объединенные в структуре *эхи-и хиреф*.

– Разложение тимарной системы землевладения привело к изменениям внутри господствующего слоя населения, способствовало развитию процесса урбанизации и увеличению спроса на массовую ремесленную продукцию. В связи с этим происходят перемены и непосредственно в среде ремесленников, в их составе, имущественном положении, в характере производственных отношений. Одним из результатов этих процессов становится складывание в 18 в. широкой социальной общности, называемой *шехирлю* (горожане).

– В конце XVII — XIX в. **меняющиеся исторические условия оказывали** воздействие не только на ситуацию в сфере организации производства, но и непосредственно на саму продукцию ремесленных мастерских. В этот период можно констатировать как постепенную децентрализацию производства в результате перемещения центров некоторых ремесел, так и изменения в качестве и в объеме выпускаемых изделий. Ослабление центральной власти и упрочение позиций не обладавшего изысканным вкусом провинциального аянства вызвали снижение интереса новой элиты к изделиям ремесла и уменьшение государственного заказа. В этих условиях происходила переориентация мелких производителей на нового заказчика и на изготовление продукции массового спроса.

– Снижение качества не представляло собой неуклонного поступательного процесса. Оно происходило неравномерно в различных видах ремесла, и в течение означенного периода некоторые производства переживали как падения, так и взлеты. Кроме того, количество художественных изделий это-

го времени, хранящихся в музейных и частных коллекциях, свидетельствует о том, что ни в XVII—XVIII в., ни даже в XIX в. **речь не идет о полном упадке османского ремесленного производства.** Скорее можно говорить о постепенном приспособлении ремесленников к новым условиям общественной жизни и меняющемуся характеру спроса на продукты их труда, что, в свою очередь, приводит к выводу о способности к адаптации различных слоев населения и в целом — о сохранении в известной степени жизнеспособности имперской системы.

— Степень близости к дворцу определила различный уровень творческой зависимости разных по типу объединений ремесленников от образцов, выходявших из дворцовой мастерской-*наккашхане*. Разные «уровни зависимости» от дворца существовали иногда и в рамках одного центра, где производилась продукция, рассчитанная на разного потребителя.

— Несмотря на то, что ремесленники обладали определенной творческой свободой, косвенное влияние государственной политики и придворного вкуса ощущалось во всех отраслях ремесла, в том числе в области народного кустарного производства, на всем протяжении исследуемого периода. Османское художественное ремесло представляет собой достаточно неоднородный массив вещей, но, несмотря на это, можно говорить о нем как о едином комплексе, характеризующемся слиянием и взаимопроникновением его разных составляющих.

Приложением к диссертации служит выполненный автором научный каталог предметов осmano-турецкого ремесла **XVI—XIX в. из собрания Государственного музея Востока.**

ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ ОПУБЛИКОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ РАБОТЫ:

1. Кулланда М.В. Османское огнестрельное оружие и вопросы атрибуции // Вестник Московского Университета. — Сер. 13. Востоковедение. — Москва, 2004. — №1. — С. 3-20 — 1, 1 п.л.
2. Кулланда М.В. Османские шелка и бархаты **XVI—XVIII вв. в собрании ГМВ.** — Научные сообщения Государственного музея Востока. — Москва, 2002. — Вып. XXV. — С. 128-147. — 1 п.л.
3. Кулланда М.В. Османский ятаган // Восточная коллекция. — Москва, 2003. — №4. — С. 111-116. — 0,3 п.л.
4. Кулланда М.В. Пространство турецкой моды // Восточная коллекция. — Москва, 2004. — №1. — С. 100-108. — 0,5 п.л.

5. Кулланда М.В. Кейф — ритуал и образ жизни // Восточная коллекция. — Москва, 2005. — №4. — С. 146-153. — 0,4 п.л.
6. Кулланда М.В. Образы дракона и змеи в турецком художественном ремесле османского времени. — Научные сообщения Государственного музея Востока. — Москва, 2006. — Вып. XXVI. — С. 113-130. — 1 п.л.
7. Кулланда М.В. Собрания художественного ремесла Турции в московских музеях. — Научные сообщения Государственного музея Востока. — Москва, 2006. — Вып. XXVI. — С. 131-154. — 1 п.л.
8. Кулланда М.В. От домашнего ремесла до дворцовых мастерских: организация ремесленного производства в Османской империи в XVI—XIX вв. — Народное творчество стран Востока: структура, художественные особенности, дефиниции. — Москва: ИИ РАН, 2007. — С. 71-84. — 1 п.л.
9. Кулланда М.В. Художественный текстиль Османской империи XVI—начала XX в. **Собрание музея Востока.** — М., 2007. — 10 п.л.
10. Kullanda M. Turkish Textiles // Arts & Islamic Word. Special volume, № 33. London, 1998. — P. 60-63. — 0,4 п.л.